

*Посвящается Опе,
которая убедила меня,
что я могу справиться с чем угодно,
но не обязана терпеть все*

Глава 1

Кент, август 1879

— Ни в коем случае! Что за нелепые фантазии, Аннабель! Глаза Гилберта стали круглыми, как у зайца, которого вот-вот настигнут собаки.

Аннабель потупила взор. Опущенные ресницы придают кроткий вид, а кротость лучше всего успокаивала ее кузена, когда он сердился. Из всех типов мужчин, с которыми Аннабель умела управляться, «невежественный, но самодовольный» был не самым сложным. С другой стороны, не дай бог, если твоя собственная судьба оказывается в руках подобного человека. Здесь, в тесном маленьком кабинете, Гилберт не моргнув глазом отнимет у нее шанс, который выпадает лишь раз в жизни, и тут же уставится в витрину с бабочками, только что нанизанными на булавки.

— Никогда не знаешь, чего от тебя ожидать! Ну что еще придет тебе в голову? — возмущался кузен. — Поступить в цирк? Баллотироваться в парламент?

— Соглашусь, звучит несколько непривычно, — сказала Аннабель, — но...

— Забудь об Оксфорде! — рявкнул кузен, хлопнув ладонью по столу.

Старому письменному столу ее отца... По завещанию он отошел Гилберту, а не ей. Несмотря на следы времени, этот великолепный предмет мебели на четырех резных львиных лапах придал бы величия любому возвышающемуся над ним мужчине. Однако помочь кузену оказался не в силах: сидящий за столом Гилберт напоминал жалкого перепуганного цыпленка, попавшего в ловушку. Еще бы! Ну и задачку задала ему кузина! Анна-

бель тоже себе удивлялась. После пяти долгих лет, проведенных у Гилберта в роли домашней прислуги, она и сама не ожидала, что еще способна желать чего-либо столь страстно. Она трезво смотрела на вещи и не питала особых надежд на светлое будущее, все ее мысли и мечты давно уже не простирались далее границ прихода Чорливуд. Но внезапно новость о том, что при Оксфордском университете открылся женский колледж, поразила ее с силой стрелы, пронзившей сердце насквозь.

Сначала Аннабель гнала от себя мысли об учебе, но ровно через неделю ее самообладание, приобретенное с таким трудом, рухнуло. Ведь желание учиться не было пустой блажью. Сколько бы еще лет пришлось Аннабель провести в обветшавшем доме незадачливого Гилберта? Идти ей некуда, средств к существованию у нее нет. Не дай бог, кузен окончательно разорится, и значит, дальше — другой дом, где она вполне может стать легкой добычей распутного хозяина... Днем Аннабель как на автомате крутилась по хозяйству. Ночами же к ней приходило осознание своего положения: она все время ходит по краю пропасти, на дне которой ее поджидает старость в работном доме. И в своих кошмарах каждую ночь она срывалась и летела в эту бездну...

Пальцы нащупали тонкий конверт в кармане фартука. Письмо о ее зачислении в Оксфорд. Хорошее образование могло бы остановить падение.

— Разговор окончен, — сказал Гилберт.

Ее руки сжались в кулаки. *Спокойно. Сохраняй спокойствие.*

— Я вовсе не хотела ссориться с вами, — тихо сказала она. — Наоборот, думала, вы будете в восторге.

Вопиющая ложь, разумеется.

Гилберт нахмурился.

— В восторге? От чего это? — Гнев на его лице сменился чем-то вроде беспокойства. — Ты не заболела?

— Ну как же, учитывая, какие выгоды это сулит, я думала, вы будете только рады такой возможности.

— О каких выгодах речь?

— Прошу прощения, кузен. Я не вправе тратить ваше драгоценное время. — Аннабель попыталась встать.

— Не торопись, — сказал Гилберт, помахав рукой. — Присьдь, поговорим.

Она смотрела на него ясным спокойным взглядом.

— Я знаю, у вас большие планы на мальчиков, а гувернантка, получившая образование в Оксфорде, стала бы хорошим подспорьем.

— Действительно, у меня есть планы, и вполне разумные планы, — хмыкнул Гилберт, — но ты уже и так знаешь греческий и латынь в необходимых объемах, и уж конечно, даже больше, чем требуется женщине. К тому же чрезмерное образование разрушает женский мозг, так в чем же тут выгода для нас, а?

— Я могла бы устроиться на должность гувернантки или компаньонки в поместье.

Это был ее последний шанс — если упоминание барона Эшби, хозяина поместья на холме и владельца их прихода, не подействует на Гилберта, тогда уже ничто не поможет. Кузен буквально готов был целовать землю, по которой ступал сей знатный господин.

И действительно, Гилберт замер. Аннабель почти слышала, как заработал его мозг, медленно, со скрипом, будто старый точильный камень. *Старый*, потому что на новый у Гилберта не было денег. Он с трудом сводил концы с концами, что было неудивительно, поскольку размер его скромного жалованья за звон церковных колоколов не менялся годами, в то время как семья неуклонно росла.

— Ну... — сказал Гилберт, — это и в самом деле может принести неплохие доходы. Барон хорошо платит.

— Разумеется. Но ваши, кузен, опасения мне вполне понятны. Когда речь идет о соблюдении приличий, материальные расчеты отходят на второй план...

— Так-то оно так, но, если поразмыслить, твоя затея не выглядит столь уж неприличной. Тем более что она призвана служить высокой цели.

— О! — воскликнула Аннабель. — Разве я могу решиться на такой шаг теперь, когда вы открыли мне все изъяны моего замысла? Что станет с моим рассудком? Вдруг я сойду с ума?

— Ну-ну, не стоит преувеличивать, — ответил Гилберт. — Твоя голова наверняка вполне приучена к книгам. А вот без твоей помощи мы не сможем обойтись и неделю. Вместо тебя нам пришлось бы нанять помощниц. — Он устремил на нее тревож-

ный и хитрый взгляд. — Однако, как ты знаешь, нам это не по карману.

Какая досада, именно сейчас Гилберт вдруг задумался о семейном бюджете. И хотел, чтобы кузина компенсировала все расходы, которые повлечет ее отъезд, хотя она стоила ему... да ничего не стоила. Увы, назначенной Аннабель скромной стипендии едва хватило бы на еду и одежду.

Она подалась вперед в своем кресле.

— Какое жалование вы положили бы горничной, кузен?

Глаза Гилберта расширились от удивления, но он быстро пришел в себя.

Он скрестил руки на груди.

— Два фунта.

Аннабель удивленно выгнула бровь.

— Два фунта?!

На лице кузена застыло упрямое выражение.

— Ну да. Конечно, есть Бесс... Но ей никак не обойтись без помощницы.

Как же! Да он и не подумает никого нанимать! Но Аннабель удалось сдержаться и сказать ровным голосом:

— Тогда я буду посылать вам каждый месяц два фунта.

Гилберт нахмурился.

— И как же ты их добудешь?

— Да легко! — *Понятия не имею*, подумала она про себя. — Буду давать уроки, наберу побольше учеников.

— А-а, вот оно что.

Ни она, ни кузен не были уверены, что даже в поместье барона служанкам платят два фунта в месяц. Ей же удастся наскрести разве что два лишних шиллинга — и то чудом.

Аннабель встала и протянула руку через стол.

— Обещаю.

Гилберт опасливо уставился на руку, словно увидел щупальце неизвестного существа.

— Скажи мне, — сказал он, помедлив, — разве я могу быть уверен, что в колледже ты не наберешься всех этих оксфордских замашек и что в конце концов вернешься сюда?

Аннабель не знала, что ответить. Как странно. Она пыталась выманить разрешение у Гилберта с единственной целью — сохранить место в его доме, ведь женщине всегда нужен кров, ка-

ким бы он ни был. Но внутри нее все восстало, когда пришлось ответить.

— Куда же мне еще деваться? — спросила она.

Гилберт поджал губы. В раздумьях кузен рассеянно похлопывал себя по животу. С ответом он не спешил.

— Если ты удержишь платежи, — наконец произнес он, — я призову тебя обратно.

До нее медленно доходил смысл сказанного. Призвать обратно? Ведь это означает, что для начала ее придется отпустить. Кузен отпускал ее!

— Понимаю, — выдавила она.

Ее мозолистая ладонь едва ощущала прикосновение мягких холеных пальцев Гилберта. Внезапно перед глазами все поплыло, и Аннабель оперлась на стол, единственный твердый предмет, оказавшийся рядом.

— Тебе непременно потребуется компаньонка, — будто сквозь туман услышала она слова кузена.

У нее вырвался хриплый смешок, звук которого напугал даже ее саму.

— Зачем это? Мне уже двадцать пять.

— Хм, — сказал Гилберт. — Полагаю, получив университетское образование, ты окончательно потеряешь шанс вступить в брак.

— К счастью, у меня нет ни малейшего желания выходить замуж.

— Ну да, ну да, — пробурчал Гилберт.

Аннабель знала, что он не одобряет ее добровольного безбрачия, считая его противоестественным. Однако все выражаемые опасения по поводу затянувшегося девичества были не более чем данью приличиям, и он, вероятно, сам понимал их неискренность. Или, как все в Чорливоде, в чем-то ее подозревал...

Словно что-то вспомнив, кузен нахмурился.

— Есть еще кое-что, о чем я не могу не сказать, Аннабель.

Неприятные слова повисли в воздухе, как ястребы, готовые броситься на жертву. Пусть придирается! Аннабель была спокойна, ее руки покорно сложены и бестрепетны.

— Оксфорд, как известно, царство порока, — начал Гилберт, — гадючья яма, полная пьяниц и разврата. Если ты впутаешься во что-то неподобающее, если появится хоть тень сомне-

ния в твоей нравственности, как бы это ни было прискорбно, двери нашего дома навсегда закроются для тебя. Человек в моем положении, служитель англиканской церкви, должен держаться подальше от скандалов.

Он, без сомнения, имел в виду скандал, связанный с мужчиной. На этот счет он мог не беспокоиться. Однако он еще не все знал о ее стипендии. Гилберт, кажется, предполагал, что она предоставлена университетом. На самом же деле благодетелем Аннабель стало Национальное общество за избирательное право женщин, которое она теперь обязана поддерживать. В оправдание Аннабель общество в лице некой леди Люси Тедбери привлекло ее внимание лишь потому, что предлагало стипендии нуждающимся девушкам-студенткам, а вовсе не потому, что она интересовалась политикой. Однако можно с уверенностью утверждать, что в списке прегрешений по шкале Гилберта «борьба за избирательное право» будет немногим лучше «скандальной любовной интрижки».

— К счастью, провинциальная старая дева из сельской глуши надежно защищена от любых скандалов, — весело ответила Аннабель, — даже в Оксфорде.

Гилберт снова прищурился, и Аннабель напряглась под его внимательным взглядом. Неужели она перестаралась? Возможно, румянец юности у нее на щеках уже угас, а из-за постоянной работы в огороде на ветру, солнце, дожде вокруг глаз появилось несколько тонких морщинок. Но по утрам из зеркала на нее все еще смотрело лицо девушки лет двадцати с небольшим. Те же высокие скулы, тонкий нос и благодаря французскому происхождению рот, который всегда казался припухлым. Рот, от которого мужчины сходят с ума, по крайней мере, так ей говорили...

Аннабель язвительно скривила губы. Всякий раз, встречаясь со своим отражением, она видела лишь свои зеленые глаза. В них не было восторженного блеска юной дебютантки, а отсутствие наивности во взгляде защищало ее от интрижек гораздо лучше, чем несколько увядшая внешность. По правде говоря, меньше всего на свете ей хотелось снова попасть в неприятности из-за мужчины.

Глава 2

Вестминстер, октябрь

— А теперь, — сказала леди Люси, — повторю для новых членов нашего общества: есть три правила вручения листовки джентльмену. Первое: определите в толпе влиятельное лицо. Второе: подойдите к нему решительно, но с улыбкой. Третье: такие типы, разумеется, могут почувствовать ваш страх, но обычно они сами боятся вас еще больше.

— Прямо как собаки, — пробормотала Аннабель.

Острый взгляд серых глаз леди Люси переместился на нее.

— Именно так.

Да у нее, оказывается, отменный слух, надо иметь в виду на будущее.

Аннабель поглубже укуталась в шаль, стянув ее на груди замершими пальцами. Грубая шерсть не спасала от холодного лондонского тумана, плывущего над Парламентской площадью, и уж совсем не защищала от колких взглядов прохожих. Парламентский сезон еще не наступил, но в районе Вестминстера всегда можно было встретить достаточно джентльменов, принимающих законы, по которым потом жила вся страна. При мысли о том, что придется подойти к одному из столь важных лиц, внутри у Аннабель все сжалось. Приличной женщине не полагалось заговаривать с незнакомцем на улице, и уж тем более размахивая листовками, на которых крупными буквами напечатано: «Закон о собственности замужних женщин превращает в рабынь всех жен!»

В этом утверждении была немалая доля правды — по Закону о собственности любая из женщин, какой бы богатой она ни была, теряла все свое имущество в день свадьбы. И все же под

неодобрительными взглядами, которые бросали прохожие на их небольшую группку, Аннабель хотелось упрятать брошюры поглубже в складки одежды. Но она тут же оставила попытки, переключив внимание на леди Люси, секретаря Национального общества за избирательное право женщин, которая уже открыла рот, собираясь произнести вдохновенную речь.

У их предводительницы был обманчивый вид — она казалась эфирным созданием, изящным, как фарфоровая кукла, с идеально причесанными гладкими светлыми волосами и нежным лицом в форме сердечка, но, когда она наставляла своих последовательниц, голос ее разносился по всей площади, напоминая звук берегового маяка.

Что же привело сюда всех этих девушек? Они жались друг к другу, как овцы в бурю, явно чувствуя себя не в своей тарелке, и Аннабель готова была поспорить на свою шаль, что никто из них никоим образом не зависит от комитета по стипендиям. Рядом с ней стояла скромная, ничем не примечательная рыжеволосая девушка с круглыми карими глазами и вздернутым, порозовевшим от холода носом. Однако оксфордская молва утверждала, что эта молодая женщина — мисс Хэрриет Гринфилд, дочь самого могущественного банковского магната Британии. Всесильный Джулиан Гринфилд, вероятно, и понятия не имел, что его дочь борется за права женщин. Гилберта наверняка хватил бы удар, прознай он, чем они тут занимаются.

Мисс Гринфилд держала свои листовки с опаской, как будто они могли ее укусить.

— Определи, подойди, улыбнись, — бормотала она. — Не так уж и сложно.

Да нет, задачка не из простых. Каждый из проходящих мужчин с высоко поднятыми воротниками и низко надвинутыми цилиндрами казался неприступной крепостью.

Девушка повернулась к Аннабель, и их взгляды встретились. Лучше всего сердечно улыбнуться и отвести глаза.

— Вы ведь мисс Арчер, не так ли? Та самая студентка, получающая стипендию? — Мисс Гринфилд смотрела на нее, кутаясь в пурпурный меховой палантин.

Ну разумеется. Людская молва в Оксфорде работала в обоих направлениях.

— Именно так, мисс, — ответила Аннабель.

Интересно, чего же больше в ее вопросе — жалости или насмешки? Оказалось, ни того ни другого. Глаза мисс Гринфилд светились любопытством.

— О, вы, наверное, ужасно умная, раз вам дали стипендию.

— Спасибо, — медленно произнесла Аннабель. — Скорее довольно образованная.

Мисс Гринфилд хихикнула, очень по-детски.

— А я Хэрриет Гринфилд, — представилась она и протянула руку в перчатке. — Вы ведь впервые на собрании?

Леди Люси была так поглощена своей собственной речью о справедливости и Джоне Стюарте Милле¹, что не замечала беседы девушек.

Тем не менее Аннабель понизила голос до шепота.

— Да, впервые.

— Вот здорово, я тоже, — ответила мисс Гринфилд. — Надеюсь, я не ошиблась с выбором. Ведь найти для себя достойное занятие, да еще чтобы оно пришлось по душе, так трудно, не правда ли?

Аннабель нахмурилась.

— Достойное занятие?

— Разве вы не считаете, что у каждого должно быть достойное занятие? Я хотела вступить в Женский комитет по тюремной реформе, но мама не позволила. Тогда я подалась в Королевское общество садоводства, однако это решение было ошибкой.

— Печально.

— Что поделаешь, процесс поиска. — Мисс Гринфилд была невозмутима. — А теперь я чувствую, что права женщин — вполне достойное занятие, хотя, должна сказать, что сама идея подойти к джентльмену и...

— Какие-то проблемы, мисс Гринфилд?

Вопрос прозвучал как выстрел, заставив обеих девушек вздрогнуть, приведя в замешательство. Леди Люси пристально смотрела на них, уперев маленький кулачок в бедро.

---

¹ Джон Стюарт Милль (1806—1873) — британский философ, социолог, экономист и политический деятель. В течение ряда лет являлся членом Британского парламента. Был членом Либеральной партии, а также вторым членом парламента, который в 1832 году призывал дать избирательные права женщинам. (Здесь и далее прим. перев.)